

Крицкая Надежда

г. Санкт-Петербург, КТМУ СПбГУПТД, 2 курс

Рецензия на спектакль «Враг народа», Малый драматический театр – Театр Европы, режиссёр Лев Додин, 2013 г.

«Посвящается 150-летию К.С. Станиславского», – гласит программка к спектаклю «Враг народа» в МДТ. А также дополняется: «При поддержке министерства культуры Российской Федерации, благотворительного фонда «Достоинство» – к этой информации можно было бы отнестись равнодушно (тем более что поставлен спектакль в 2013 году), но, учитывая, что Театр Европы закрывали чуть менее года назад по «санитарным причинам», становится интересно, как же провели «чистку» и как тогда остался «Доктор Штокман» актуальным как никогда раньше.

Войдя в зрительный зал, видим, что на сцене висит белый, из лёгкой ткани занавес, как больничная шторка, скромная со светлым плафоном лампа-шар (чем-то напоминающая лампу для вызова пациентов над дверью врача), простой дощатый пол – всё как будто располагает к началу "лечения", не хватает только запаха лекарств, характерного для процедурных кабинетов.

«Содержательного вам вечера», – желает зрителям приятный женский голос перед началом спектакля, и зал погружается в темноту. Под песню Клауса Наоми «The Cold Song» больничная лампа наращивает свой свет и зрителю сквозь занавес виден семейный ужин. За столом сидят важные гости: Мортен Хиль (Сергей Козырев), Алаксен (Александр Кошкарёв), Ховстад (Никита Сидоров) (все в костюмах) и члены семьи – жена (Ирина Тычина) и дочь (Дарья Ленда) доктора Стокмана. Сам же Стокман (Сергей Курышев) в вязанной домашней кофте появляется на сцене не сразу и оживляет своим присутствием "холодную" обстановку вечера. Лишь зритель не приглашён и всё, что остаётся ему – это подглядывать за происходящим сквозь больничную занавеску. Шторка приоткрывается лишь тогда, когда доктор

решает обнародовать своё страшное для городка открытие. Светильник гаснет, доктор выходит из-за занавески и рассказывает тайну водолечебницы. Его оппонентом выступает брат – Петер (Сергей Власов) – мэр города. Они словно на "интеллектуальной" дуэли: стоят по разные углы сцены и "стреляют" друг в друга аргументами "за" и "против" решения проблемы.

Построение мизансцен, в которых участвуют братья Стокманы, также говорят нам об их «несовместимости», несмотря на родственную связь. Они находятся относительно друг друга всё время параллельно. И, как параллельные линии, которые никогда не пересекутся, не найдут компромисса и в итоге один «победит» другого, потому что за ним большинство, а значит и правда.

Немаловажную роль в спектакле играют костюмы. Они помогают, почти с самого начала, чётко понять «что такое хорошо и что такое плохо». Представители "власть имущих", или тех, кто имеет влияние на общественное мнение – редактор газеты «Народный вестник», владелец типографии, владелец кожевенного завода и сам мэр – все в чёрных костюмах. Семья же доктора Стокмана облачена в светлые (смущает только серая шапочка на голове врача), простого кроя одежды. Кажется, что такое совпадение случайным быть не может и данным решением художник подчёркивает, что это люди из двух разных "лагерей", имеющие разные ценности и взгляды. Одни чопорные, зависят от общественного мнения, руководствуясь чёткими правилами. Другие же свободны и «светлы» в мыслях и действиях. Каждая сторона имеет возможность высказаться, а зритель уж сам решает перейти на «тёмную» сторону», к большинству или всё же остаться верным себе, как Стокман младший. Однако, в конце спектакля, доктор надевает серую кофту (теперь серая шапочка смотрится гармонично). Такой финал может означать одно – доктор может и не забыл своих убеждений, но жизнь такова, что ему пришлось смириться с действительностью и невозможностью поменять большинство.

Декорации в спектакле максимально просты. Художник Александр Боровский превратил пространство сцены в одну просторную комнату, которая напоминает застеклённую веранду, с левой стороны которой стоит накрытый стол. Вместо занавеса – белые шторы. И в финале второго акта, после разоблачающей речи доктора – с оглушительным грохотом «бьются» стёкла, Стокман отодвигает занавески и любопытному взгляду зрителя открывается груда битого стекла. От веранды остаётся только деревянный каркас, который чем-то напоминает клетку. Курортный врач остаётся один в этом помещении. Таким образом художник показывает, что «Враг народа» должен быть изолирован от общества, так как он несёт угрозу и опасность для окружающих, для стабильности и порядка, а значит, совершенно справедливо его посадить в тюрьму. Примечательно ещё и то, что свои разоблачительные речи доктор Стокман произносит, как истинный врач (соблюдая врачебную тайну): он выходит из-за шторы, аккуратно поправляет её за собой и, оставшись один на один с пациентом – зрительным залом, приступает к «лечению». «Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины», – думаю, эта цитата из предисловия к «Герою нашего времени» вполне описывает открытия доктора.

Что же касается того самого содержания, про которое говорил женский голос перед спектаклем, то оно не будоражит чувств. Второе разоблачающее открытие доктора длилось около 10 минут. Стокман с самого начала и до конца (не только монолога, но и спектакля в целом) держал медленную, спокойную, мягкую роль. Он топтался на месте и часто указывал пальцем куда-то вверх. И зритель, словно загипнотизированный плавностью движений и ровностью голоса курортного врача, переводил взгляд с руки на потолок. Не найдя там ничего, глаза начинали бродить по залу, пытаясь хоть чем-то себя развлечь. Не исключено, что «уносило» меня одну, хотя, осматривая зал, встретила с таким же «блуждающим» взглядом. Несмотря на остроту и актуальность речей, не хотелось ни возражать, ни с пылом

присоединиться к докторским суждениям. Пьеса Ибсена актуальна сама по себе, ведь была задумана, как резкий ответ, «плевок» в ту общественность, что раскритиковала автора за «безнравственность». Постановка Станиславского тоже была «горяча» в силу своего времени и народного настроения. «Враг народа» – революционная пьеса, но в постановке Льва Додина она больше представляется, как нагорная проповедь. Спектакль вышел очень статичным: много монологов и мало действия. Думаю, что человек, читавший пьесу, ожидает увидеть героя, который мог бы смело и прямо сказать в глаза правду правительству. Однако, в результате получил героя, который пусть и говорит правду, но очень мягко, как бы не желая обидеть тех, кого он обличает. Мягкость в голосе Доктора Стокмана не побуждает встать на его сторону и перестать быть тем глупым большинством. Но слушая его речь, для себя я нашла другой актуальный вопрос: «Если бы мне сказали, что нефтегазовая промышленность в России невозможна в силу экологической обстановки или чего-либо ещё. Что нужно прекратить на время добычу ископаемых и найти решение проблемы. Однако, как известно добыча нефти и газа одна из основных статей дохода государства и остановка производства, как и в курортном городке нашего доктора, повлечёт серьёзные финансовые потери, экономика страны пойдёт на спад. Согласилась бы я потерять часть дохода, затянуть пояс, как говорится, и жить скромнее какое-то время?».

Станиславский говорил, что хороший театр отличается от плохого тем, что хороший даёт пищу для размышления. Зритель приходит с одной мыслью на спектакль, а должен уйти с множеством других, переваривая их в течении какого-то времени. С этой точки зрения «Враг народа» Льва Додина – нормальный спектакль. Он заставляет задуматься, но эти вопросы «однодневки» – ответ на них можно найти если не в этот же вечер, то на следующий день. Бури чувств и новых смыслов от просмотра не появляется (возможно, это только у меня так). В начале спектакля фру Стокман очень беспокоится, что ростбиф уже немного остыл и не такой вкусный. На что

гости ей отвечают, что тёплый он ничем не хуже, даже лучше. То же самое можно сказать и про постановку: не с пылу с жару, но и не холодно – тепло. Думаю, у режиссёра и не было задачи разжечь глаголом сердца людей. Об истинных вещах кричать не стоит. Среди шума повседневности слышнее всего шёпот, спокойная речь. Доктор Стокман не переубеждает, он повторяет непреложную истину. Услышит ли его большинство? Встанет ли на его сторону? Если повезёт – да, и правда, кажется, за ним. Но сидя посреди сцены в окружении разбитых окон доктор остаётся один, лампа-шар постепенно погружает зал в темноту. Приём окончен.

«See'st thou not how stiff

And wondrous old

Far unfit to bear the bitter cold» *

* «Разве ты не видишь как я неуклюж

И удивительно стар,

Я не в силах выжить в этом пронизывающем холоде»

Клаус Наоми «The Cold Song»